

ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ КАЗАХСТАНСКОГО АЛТАЯ

С 1997 г. археологическая экспедиция Института археологии им. А.Х. Маргулана Министерства науки - Академии наук РК совместно с группой сотрудников Археологической Миссии Франции в Центральной Азии при участии специалистов ряда казахстанских, французских, российских, итальянских, швейцарских научных учреждений, музеев и университетов начала в пределах Казахстанского Алтая планомерное исследование памятников древних кочевников.

В 1997 г. раскопки велись на разновременном некрополе Майемер-II, расположенном на юго-восточной окраине одноименного села Катонкарагайского района ВКО. Одно из погребений, исследованных в этом могильнике, представлял собой подбой, сооруженное в северной стенке могильной ямы под каменной наброской кургана. Погребенной оказалась женщина 35-40 лет европеоидной расы, по определению Е.В. Веселовской, выполнившей также антропологическую реконструкцию по черепу (рис. 1). Находки составили комплект из бронзовых и костяного наконечников стрел, костяных застежек (рис. 2). Объект хронологически определяется начальным этапом «скифо-сакской» эпохи, VIII - VII вв. до н. э. Дата, полученная по радиоуглеродному методу, имеет более широкий хронологический диапазон - 1152-803 гг. до н. э. (Самашев З.С., Жумабекова Г.С., Омаров Г.К., 1998. С. 155-160).

На скальных выходах, расположенных рядом с могильником Майемер-II, обнаружен ряд новых местонахождений петроглифов, в основном относящихся к раннескифскому времени (Марсадолов Л.С., Самашев З.С., Шер Я.А., Ермолаева А.С., Курманкулов Ж.К., 1998. С. 7-11). Сюжеты представлены одиночными и групповыми изображениями оленей с разветвленными рогами, фигурами горных козлов, орла, кабанов, хищников, символических знаков (рис. 3-11). Петроглифы могли быть созданы представителями населения, оставившего исследуемые нами погребально-поминальные комплексы.

Отметим также олений камень раннескифского времени, зафиксированный поблизости, в виде схематической фигуры воина, на поясе которого изображены предметы вооружения - чекан, лук в колчане, ниже - зеркало, а в верхней части - серьги (рис. 12).

В 1998 г. начаты раскопки могильника Тар Асу, расположенного примерно на равном расстоянии между селами Берель и Жамбыл Катонкарагайского района Восточно-Казахстанской области. Из исследованных объектов особый интерес представляет ограда № 23, содержащая подбой, с заставкой из массивной гранитной плиты. Женщину, погребенную в этой могиле, сопровождал немногочисленный, но яркий инвентарь: бронзовые колчанные крюки, дисковидное зеркало и нож в кожаном футляре; золотые серьги с навесками усеченно-конической формы, украшенными ложной зернью; золотые полые пуговицы с петлей на обороте; бирюзовые и пастовые бусы; золотая фигура кошачьего хищника, выполненная в невысоком рельефе (рис. 13, 14). Изображение животного с большой головой на короткой толстой шее передано характерными чертами: каплевидной формы ухом, глазом с выпуклым зрачком и округлым ободком; морда трактована в виде тупого

клюва с выделенной ротовой щелью. Эта последняя деталь позволяет отнести хищника к разряду тигрогрифона. Он изображен в позе «скребущего» животного, с подогнутыми ногами и длинными, загнутыми назад когтями. Длинный хвост, свисающий вниз, имеет спирально закрученный кончик.

Еще в начале 90-х годов, в связи с открытием памятников кочевых народов с мумифицированными останками людей на сопредельных территориях Республики Алтай РФ и Синьцзяня КНР, складывалась идея о необходимости возобновления исследования аналогичных типов курганов в пределах Казахстанского Алтая. Именно здесь в 1865 г. В.В. Радловым впервые был зафиксирован так называемый «алтайский феномен» - курган с мерзлотой.

В настоящее время появилась возможность обработать материал из курганов с мерзлотой и мумифицированными останками людей и трупами лошадей на более высоком научном уровне с применением новейших достижений в области молекулярной биологии, генетики, медицины, антропологии, палеозоологии и других естественных наук и на основе суммирования результатов междисциплинарных исследований перейти к решению актуальных проблем культурно-хронологической и этнической атрибуции, вопросов социально-экономического развития общества и преемственности культур и т.д. Приоритетным является комплексное изучение проблем передачи древнего генетического кода в последующие поколения и его трансформации в условиях интенсивных этнических контактов и диффузии на протяжении многих тысячелетий. Кроме того, уровень современной науки настоятельно требует применения новых методов извлечения, консервации, реставрации находок, реконструкции наземных и внутримогильных сооружений, а также музеефикации археологически исследованных объектов историко-культурного наследия.

В 1998 году на могильнике Берель начаты новые археологические исследования. Могильник расположен в высокогорной долине (1100 м.) на третьей очень высокой надпойменной террасе правого берега р. Бухтармы, в 7-8 км. юго-западнее места впадения в нее р. Ак Берел, недалеко от с. Берель Катонкарагайского района Восточно-Казахстанской области. Долина, имеющая в среднем ширину около 2 км, вытянута в направлении СВ-ЮЗ. С северо-восточной и юго-западной сторон замкнута хребтами, ограничена горами Кемпир, Кайнар, Карашокы и Бетеу. Склоны гор покрыты смешанным лесом (береза, лиственница, пихта, ель). С северо-восточной стороны долина ограничена р. Ак Берел; с юго-западной - р. Бухтарма и ее правым притоком - Сохатушкой (Кандысу).

Видимо не случайно эта небольшая долина р. Бухтарма вблизи с. Берель, окруженная со всех сторон очень высокими сопками (создающими длинные тени, которые отрицательно влияют на процесс прогревания почвы в течение светового дня), была выбрана в древности местом для возведения курганов кочевой знати, с особыми конструкциями, наземных сооружений, способствующими образованию искусственной мерзлоты в глубине погребальных камер (при относительно низком уровне абсолютной высоты данной местности - 1100 - 1200 м.).

Могильник Берель образован несколькими десятками курганов с каменными насыпями различного размера (рис. 15). Основу его составляют несколько параллельных цепочек курганов, вытянутых в направлении СЗ-ЮВ. Одна из них, юго-западная, состоит из 8 крупных курганов и 5 малых, примыкающих с северо-восточной стороны. Курган № 11 (сохранена нумерация объектов по С.С. Сорокину), исследование которого начато в 1998 г., является самым крупным в этом ряду и замыкает его с северо-западной стороны. Курганы здесь расположены небольшими

группами: по 4, 3, 1. Вторая цепочка, северо-восточная, образована тремя при-
мыкающими друг к другу курганами; объект № 18, раскопки которого начаты
в 1998 г., расположен в середине и наименьший среди них. Большой Берельский
курган, раскопанный В.В. Радловым в 1865 г. и доследованный С.С. Сорокиным
в 1959 г., отстоит от остальных курганов в этой цепочке и находится на юго-во-
сточном краю террасы, он самый крупный в ряду. Между цепочками расположены
несколько курганов без видимого порядка; мелкие курганы сконцентрированы вок-
руг Большого Берельского кургана; на юго-восточном краю террасы и могильного
поля. Каменные насыпи курганов нарушены: фиксируются воронки «бугровщиков»,
следы современной выборки камней.

Полевые исследования проводились с 25 июля по 06 октября 1998 г.¹

Курган № 11, диаметром 31,4x28,6 м; высотой 1,70 м. До начала раскопок
выглядел как каменная наброска из мелких плит и галечника. В результате ис-
следований 1998 г. появилась возможность сделать только предварительные выводы
о конструкции кургана, которые будут корректироваться в дальнейшем. Основу
наземного сооружения памятника составляет платформа из крупных плит, уло-
женных, по-видимому, на подготовленную площадку, которая фиксируется как
чернозем с прогибом к середине кургана. Края каменной насыпи укреплены круп-
ными плитами, уложенными плашмя в несколько рядов или установленными на
ребро с наклоном от центра кургана; они закрыты дерновым слоем, содержащим
мелкие плитки и галечник. Насыпь в средней части состоит из плит и блоков
разного размера, набросанных в различном положении, но большая их часть на-
ходится в горизонтальном положении. Верхний слой насыпи образуют мелкие
плитки и галечник, плотно покрывающие нижележащие камни и, возможно, спо-
собствующие созданию условий для образования мерзлотных линз. В ходе раскопок
на глубине -2,70 - -4,05 м. были выявлены бревна внутримогильной конструкции.
В общем направлении они вытянуты вдоль стены камеры по линии СВ-ЮЗ. В
южной половине могильной ямы находится сруб (2x3,80 м.), который имеет пе-
рекрытие из 5 продольных плах, покрытых корой березы в два слоя и слоем
прутьев между ними. При этом верхние полотна коры с берестой свисают по
стенкам сруба вниз. В яме фиксируются разбросанные бревна перекрытия и раз-
личные предметы. В северной части ямы, за пределами сруба, находились останки
коней рыжей масти и предметы конского снаряжения: седло, покрытое кожей с
тисненным орнаментом, фрагменты изделий из войлока и ткани с вышивкой,
деревянные планкетки со сценой терзания, деревянный псалий с зооморфно вы-
полненными окончаниями; 3 пары деревянных составных рогов от конских масок,
обтянутых кожей и лакированные золотой фольгой; массивная деревянная скульп-
турка ушастого грифона (рис. 16) и т.д.

Сопоставляя стилистические особенности в трактовке изображений хищников и
травоядных, соотнесенные с определенными хронологическими рамками, отметим,
что в предметах из кургана № 11 сочетаются приемы, характерные для среднего
(V в. до н.э.) и позднего периодов (V-IV вв. до н.э.) культуры ранних кочевников
Алтая. Примером может служить деревянная подвеска в виде головы горного

¹ Мы благодарны за оказанную помощь в период полевого исследования акиматам Катонкарагайского района и Жамбылского сельского округа, дирекции хозяйства «Маралды», руководству Урельской погранкомендатуры; жителям с. Берель, а также директору Восточно-Казахстанского обл. музея А.В. Михалевскому, сотрудникам обл. музея Г.А. Куш, Г.А. Костенкой, Г.И. Мувороной, С.В. Старикову; аспиранту Европейского Гуманитарного Университета г. Санкт-Петербурга Г.В. Дубровскому; доценту Кемеровского гос. университета Л.Н. Ермоленко и биологу КемГУ Н.И. Белоусову; художнику-архитектору Е.О. Грабовой, топографу А.А. Антонову, фотографу Ю.Ф. Черкашину, художнику - кинооператору Г.Ж. Жанабаеву, студентам КазГПУ им. Аль-Фараби и АГУ им. Абая и Восточно-Казахстанского Гуманитарного Института.

барана с рогами, спирально закрученными в 1,5 оборота, и с рельефными бороздками, передающими их фактуру. Овальной формы ухо обведено рельефным валиком, глаз - миндалевидный со слезницей, рот показан в виде узкой капли с двойной скобочкой. Подшейная шерсть изображена с поперечными бороздками, передающими пряди волос. Эти приемы изображения характерны, по мнению некоторых исследователей, для среднего этапа пазырыкских памятников, оформление рта - для среднего и позднего этапов (Баркова Л.Л., 1995, с. 72, 74, рис. 3; 4). Украшения в виде головы барана или целой фигуры с характерно смоделированной головой - мотив, очень распространенный среди образцов скифо-сакских племен Алтая (Руденко С.И., 1960, с. 272-274) Среди предметов кургана обнаружены деревянные планкетки с изображением сцены терзания кошачьим хищником оленя. Хищник вцепился в шею оленя; передней лапой, на которой проработаны когти, он упирается в основание шеи животного. У хищника мощная, широкая грудь. Напряженность сцены передана переворачиванием задней части туловища тигра на 180° , его конечности, согнутые в коленях, подняты вверх. Хвост хищника длинный, с приостренным, загнутым концом. Туловище тигра прорезано волнистыми линиями, передающими шерсть. Олень припал под тяжестью тигра на передние ноги. Туловище оленя, длинная шея и голова вытянуты вперед и вверх. Круп перевернут на 180° , задними ногами олень упирается в тигра, как бы отбываясь от него. Глаз - миндалевидной формы, ухо - листовидное с заостренным концом. Рог откинут назад и вытянут вдоль спины животного. Передние, лобные отростки трактованы двумя слабоизогнутыми S-видными выступами, слегка отделенными от остальной ветви и вытянутыми вверх, остальные отростки переданы в виде скругленных выступов, упирающихся в бордюр планки. Невысоким рельефом проработаны плечевой пояс и бедро, они смоделированы полуподковами и кружками. Эти стилистические признаки характерны в основном для позднего периода культуры (V-IV вв. до н.э.). Сюжет, очень распространенный в искусстве скифо-сибирского мира, повторяется в различных вариантах на предметах ранних кочевников Алтая, например таких, как украшения седельных покрышек из курганов 1, 2 мог. Пазырык (Руденко С.И., 1953, рис. 156-160). Отмечая общность изобразительных приемов для сцены терзания ранних кочевников Алтая, мы тем не менее улавливаем некоторое локальное своеобразие в изображениях из кургана № 11 мог. Берель.

Грифоны, синкретические существа, сочетающие в себе образы нескольких животных, обнаруженные в кургане № 11, отличаются своеобразием. Наряду с чертами, характерными для образцов алтайского искусства, они имеют детали, не прослеживаемые пока в предметах искусства пазырыкских памятников. Скульптура грифона с телом кошачьего хищника имеет голову орла с мощным, загнутым клювом, ротовая щель - дуговидной формы (рис. 16). Большие выступающие вперед глаза - округлой формы, обведены рельефным валиком. От глаз до нижней челюсти проходит рельефный «воротничок», образованный лепестковыми выступами. Массивная шея снабжена ровным гребнем с рельефными бороздками. Вставные уши имеют листовидную форму. Кожаные рога (покрытые некогда, возможно, так же как и вся скульптура, листовым золотом) вытянуты назад над шейей, имеют закругленные вверх концы. На туловище грифона сохранились пазы для крепления крыльев (возможно, кожаных). Сохранившиеся передние ноги снабжены рельефно проработанными мягкими лапами. Полных аналогов этому изображению животного в предметах искусства ранних кочевников Алтая пока нет, но по типологии Л.Л. Барковой его можно условно выделить в IV тип: орлиноголовый грифон

(Баркова Л.Л., 1987, с. 13). Такие детали в изображении грифона, как ровный, как бы подстриженный гребень; «воротничок» - более свойственны для искусства Передней и Средней Азии. Чуть приоткрытый клюв и отсутствие хохолка - типично местного, алтайского признака - позволяют отнести это изображение ко 2 группе (по Л.Л. Барковой), включающей изображения эклектичные, сочетающие элементы переднеазиатского искусства и алтайского звериного стиля (Баркова Л.Л., 1987, с. 13-28). Отличает берельского грифона от известных образцов пазырыкской культуры и пропорции фигуры - массивные голова и шея, сравнительно короткие и небольшие туловище и конечности. Рога близкой формы присущи в основном изображениям кошачьих хищников или львиным грифонам из курганов мог. Пазырык (Руденко С.И., 1953, рис. 72, 79, табл. С и др.; Руденко С.И., 1960, рис. 144, 150 и др.).

Среди находок в кургане № 11 прекрасным образцом звериного стиля кочевников Алтая является деревянный псалий с зооморфно оформленными окончаниями в виде голов грифона, несколько отличающихся друг от друга. Детали проработаны невысоким рельефом. Голова грифона увенчана S - видным рогом, один конец его нависает над лбом, другой - расположен вдоль шеи и закручен вверх. Окончания рога, спирально закрученные в противоположные стороны, оформлены в виде утолщений-шариков. Грива животного, с рельефными бороздками, постепенно сходит на нет. Голову грифона отделяет от шеи «воротничок», выполненный в виде ряда дуговидных выступов. Рот раскрыт, верхняя часть с носом переданы в виде спирально загнутого вниз завитка с утолщением на конце. В раскрытой пасти выделен язык, стилизованный под голову орла: выпуклый круг с загнутым клювом, разделенным на три рельефных валика. Глаз грифона скрошен. Противоположный конец псалия несколько отличается от первого: рог не закручивается в спираль, а просто скруглен над лбом, второй его конец, очевидно загнутый вверх, обломан. Голова снабжена рельефно оформленным ухом подовальной формы со слегка изогнутой одной стороной. Нос, вероятно с округлым утолщением на конце, скрошен. Глаз смоделирован в виде округлого зрачка, оконтуренного рельефным ободком. Сходным образом оформленные псалии присутствуют среди инвентаря кургана 2 (Руденко С.И., 1953, рис. 113). Очень интересна выполненная из дерева голова грифона, сочетающего в себе черты нескольких животных: орла и льва. Голова орла, снабженная гривой, показана с крючковатым раскрытым клювом и каплевидной формы глазом. Грива выполнена в 2 ряда: внутренний - в виде рельефных чешуек, внешний - в виде завитков. В раскрытом клюве грифона находится голова травоядного животного. Подобный прием передачи гривы наблюдается в оформлении голов льва, служащих украшением конского снаряжения во 2 пазырыкском кургане, в аппликации на настенном ковре и седельного покрытия из 1 кургана (Руденко С.И., 1953, рис. 113; 20; 164). Голова барана или оленя в пасти грифона или кошачьего хищника - распространенный сюжет в искусстве ранних кочевников Алтая, в том числе он применялся в оформлении деревянных наконечников и узды пазырыкских курганов 1, 2 (Руденко С.И., 1953, рис. 113; табл. XXXVII, LXXXIII, LXXXIV).

Еще один тип грифона - конегрифон - составляет часть изображения на пластинах - деталях украшения конской сбруи. Изделия сохранились фрагментарно, изображения вырезаны в невысоком рельефе. Они составляли, вероятно, сложную композицию, из которой просматриваются черты двух животных. Первое - голова конегрифона на высокой, изогнутой шее с гривой равномерной высоты, фактура ее передана бороздками. Хохолок пламевидной формы отогнут назад. Возможно,

грифон имел клюв, конец которого теперь обломан. Сохранилась часть его с ротовой щелью в виде дуговидного углубления и восковицей. К шее конегрифона под прямым углом примыкает туловище кошачьего хищника, голова которого и передние конечности утрачены. Задние ноги, с длинными дуговидными когтями, показаны поджатыми под туловище. Длинные когти передних лап загнуты вверх, к груди хищника. Характерный хвост закинут вперед, на спину, конец его закручен.

Особый интерес среди инвентаря кургана № 11 представляют выполненные из дерева, а также с применением кожи, войлока, золотой фольги, - рога горного козла. Они представлены тремя парами. Первые два предмета - дуговидной формы, с ровным нижним краем и низкорельефными дугами по верхнему краю. Рога второй пары имеют дуговидную форму, один из концов их сильно загнут внутрь и пиострен; нижний край - ровный, наружный - в виде полукружьев, оконтуренных золотой обкладкой. Они являются частью конских масок. Аналогичные детали конских масок обнаружены во 2 Башадарском и 1 Туэктинском курганах (Руденко С.И., 1960, с. 231; табл. XXXVIII, LXIX, LXX, LXXII). Возможно и фигурка грифона является элементом подобного снаряжения. Любопытные параллели отмечены в инвентаре других курганов Пазырыкской культуры: деревянные скульптурки коней со вставными кожаными ушами, рогами и хвостами. Сохранились фрагменты обкладок из золотой фольги в форме рогов козерога. Эти скульптурки украшали головные уборы погребенных (мог. Ак-Алаха I, V - начало IV в. до н.э.; Уландрык, Юстыд) (Полосьмак, 1994, с. 41 и др.; Кубарев В.Д., 1987, с. 106-112; Кубарев В.Д., 1991, с. 117-119). Протомы крылатых коней, головы которых венчают рога горного козла (дерево, листовое золото), украшали головной убор «золотого человека» из кургана Иссык. Помещение в могилу коней рыжей масти, в полном облачении - в масках и конском снаряжении, выполненном из дерева и золотой фольги, - имело, видимо, свой особый смысл, диктуемый погребально-поминальной обрядностью ранних кочевников Алтая. Все (или почти все) деревянные высокохудожественные изделия, похоже, были плакированы тончайшей фольгой, что снижает вероятность использования их в повседневной жизни; скорее, они изготавливались для парадно-погребальной церемонии и сопровождения вождя в потусторонний мир. Сопроводительное захоронение коней рыжей масти, скорее, отражает религиозно-мифологические представления, связанные с культом солнца, божественной инкарнацией, универсальными представлениями о Космосе.

Курган № 18 (рис. 17 - 19), диаметр 18 м., максимально сохранившаяся высота от современной дневной поверхности - 1,05 м. Он соединяется с двумя соседними курганами с помощью выложенных по краям и на уровне древнего горизонта «дорожек». Наземное сооружение памятника, круглое в плане, возведено поэтапно на слегка наклонном, по-видимому, предварительно выравненном, участке террасовидной долины из разновеликих плит темно-серо-зеленоватого сланца. Верхний открытый слой насыпи кургана уложен плотно из мелкоколотых камней с лишайниками галечника мелких размеров (5x9 см). Этот слой насыпи выполнял, скорее, функцию своеобразного панциря, покрывающего нижележащие камни и пустоты, т.е. основного терморегулирующего компонента сложной наземной конструкции памятника. Края «панциря» соприкасаются с лепесткообразной внешней крепидой кургана, состоящей из наклонно врытых широких плит, и укреплены каменным «поясом» шириной 1,5 - 1,7 м., с заметно выпуклой поверхностью. «Пояс» сооружен поверх нижнего края панциря из более мелких камней и выполнял, возможно, функцию дополнительной крепиды, удерживающей склоны насыпи кургана от расползания. Концы его уложены с напуском друг на друга в северо-северо-восточном

секторе. Каменный пояс в древности был покрыт слоем дерна и не обладал терморегулирующими свойствами. Возможно, что прагматическая функция пояса переплеталась с мифо-ритуальными комплексами, в частности, с представлениями о замкнутом пространстве, ограничении при переходе умершего в иное состояние, в иную сферу обитания. Курган представлял собой сакральное пространство, где каждый конструктивный элемент имел свое назначение. При его сооружении, проходившем в несколько этапов, каждый из них соотносился с проведением каких-то обрядовых действий. В таком случае, внешний пояс насыпи с подобием узелка-замка мог символизировать создание границы между мирами («свой-чужой» и т.д.), замыкание границы.

Примечательно, что насыпи большинства алтайских каменных курганов (в том числе и берельских) не задернованы, несмотря на достаточно интенсивный процесс образования гумусного слоя в условиях высокогорья. Причина этого, возможно, кроется в терморегуляционных особенностях каменной наброски, не позволяющих попадающим в межкаменные пустоты спорам растений произрастать.

Следующий слой насыпи состоит из плашмя положенных плит и брусковидных камней крупного и среднего размера, галечник попадается изредка. Этот слой также покрывает все наземное сооружение вплоть до «лепестка» крепиды, но в отличие от предыдущего верхнего слоя, имеет неравномерную толщину, вызванную различными высотными характеристиками конструктивных элементов памятника.

Под этим «вторым» слоем насыпи открывается главный конструктивный элемент наземного сооружения - широкая околмогильная ограда с высокой внутренней и пологой внешней стенками.

Она возведена из крупных брусковидных камней, в ее основе - плиточная платформа в 1 - 2 слоя, выложенная, по-видимому, на предварительно выравненную поверхность погребенной почвы. Внутренне пространство ограды плотно заполнено доверху горизонтально положенными брусками и плитами; к сожалению, система кладки сильно нарушена из-за ограбления, что не позволяет в полной мере исследовать возможную взаимосвязь между конструктивными элементами наземного сооружения, создающими, как полагал С.И. Руденко, особый микроклимат, и процессом образования мерзлоты в глубине погребальной камеры.

В центре ограды, непосредственно над могильной ямой, находилось крупное скопление мелких «ощетинившихся» камней, имеющее куполообразное очертание, поверх него фиксировался незначительный слой суглинка. Площадка внутри ограды (соответственно, вокруг могильной ямы) была углублена наклонно от края к середине, но затем покрыта мощным слоем желтого суглинистого могильного выкида (поверх которого ложились нижние камни упомянутого выше внутриоградного заполнения, вперемежку с черным гумусом). Суглинистая линза над могильной ямой, видимо, играла роль термо и влагорегулятора.

Замечено, что вода, стекавшая сверху через каменную наброску и прослойку чернозема через стык упомянутой суглинистой линзы и верхнего края могилы, в погребальную камеру (вырубленную в толще желтой глины), окрашивала ее стены до самого дна в черный цвет и создавала дополнительный, неровный местами, бугристый слой.

В завершении характеристики наземной конструкции кургана № 18 отметим, что его околмогильная ограда с внешней стороны опоясана широким каменным кольцом в 2 - 5 слоев. Основание этого кольца находилось в наклонном - в слое суглинка (ниже древнего горизонта) -рве, а верх-под уже упоминавшимся «вторым» слоем насыпи.

Погребальная камера, имеет размеры 3,25x3,90 м., глубину - 3,90 м. На стенах погребальной камеры были зафиксированы отпечатки веток и коры березы, ближе к дну - вертикально поставленные деревянные плахи. Камера была перекрыта досками. Они зафиксированы на глубине 3,25-3,65 м., просевшими под тяжестью камней и грунта и лежащими на крупных камнях и костях лошадей у пола камеры. На глубине - 3,60 м. вдоль северо-западной стены на каменной приступке были уложены трупы 4-х коней, из которых скелет только одной обнаружен в непотревоженном виде. Кости остальных лежали в беспорядке в северо-восточной части могильной ямы, что является следствием проникновения в нее грабителей. Грабительский лаз фиксируется в северо-восточной стене могильной камеры, по краям и у подножия его наблюдалось скопление блоков довольно крупных размеров. Уцелевший скелет коня свидетельствует, что он был уложен головой на ЮВ, на живот с подогнутыми ногами. Предметов конского снаряжения, за исключением фрагментов железных удиц, не обнаружено. Золотая фольга, сосредоточенная в районе грабительского лаза и черепа одной из лошадей, вероятно, является остатками украшения конского снаряжения. Среди костей лошадей, вдоль СЗ стены могильной ямы, отмечены остатки вертикально установленных столбов. Вдоль северо-восточной стенки камеры находилась конструкция из досок или горбылей в 2 венца размером 3,32x1,95 м.. Доски, уложенные по периметру, имели большую толщину, чем доски середины конструкции. Продольные плахи этого сооружения были уложены поверх торцовых в ее юго-западной части, обратная ситуация фиксируется в северо-западной части. Вдоль юго-западной стенки конструкции находилась поперечная доска, зажата между крайними продольными плахами. Концы нижних досок, уложенных по периметру, образуют перекрестье и выступают за пределы конструкции по уровню пола. Пол был выстлан, видимо, корой и покрыт войлоком. При расчистке выявлены фрагменты орнаментированной керамики, витой тонкой золотой проволоки, костяной наконечник стрелы хорошей сохранности: втульчатый, трехгранный, с выступающими шипами (рис. 20). Скелет человека не обнаружен за исключением нескольких костей. Раздавленные кости черепа находились поверх досок в юго-восточном секторе конструкции. В заполнении камеры был обнаружен небольшой деревянный кол, обычно используемый для рытья ямы. У северо-восточной стенки сооружения, где отмечено отсутствие досок (дыра), обнаружено донце керамического сосуда. Сосуд, фрагменты которого встречались в процессе зачистки могильной ямы, можно отнести к кувшинам крупного размера. Стенки его украшены прочерченным орнаментом, образованным рядами треугольников, опущенных вершинами вниз и заполненных косыми линиями и сеткой. Местами на поверхности стенок зафиксирован ангоб красного цвета. Находки сосредоточены у СВ стенки деревянного сооружения и в грабительском лазе.

Погребальный обряд, когда под курганной каменной насыпью в могильной камере присутствуют следующие основные моменты: деревянная конструкция в виде сруба; костяк лошадей в северной части могилы за пределами сруба - характерен для памятников ранних кочевников Алтая: к. 2 мог. Ак-Алаха I.; Катонский мог.; могильники в Онгудайском и Усть-Коксинском районах Республики Алтай. В этих памятниках срубы также невысокие - в 1-2-4 венца, кони располагались на приступке в северной части камеры. Ориентация погребенных на СВ, В (у нас сосуд - в северо-восточной части «сруба»). Внешний обвод кургана в виде кольца из установленных плотно на ребро плит, фиксируемых в положении плашмя или с наклоном, также известно по памятникам Кутургунтаса.

Характерные черты погребального обряда Пазырыкской культуры - каменная наброска кургана с одной могильной ямой под ней, помещение коней в могильной яме с умершим, в северной половине ямы, выше сруба на приступке или на одном уровне со срубом, срубы покрыты в продольном направлении плахами, сооружение настила, на который укладывали погребенных - эти черты, выявленные в курганах мог. Уландрык, Юстыд, Арагол, Катанда, прослежены в курганах мог. Берель.

Погребения в сопровождении 3-х и более коней относятся к людям высокого социального ранга.

Место сооружения Берельского могильника - высокогорная обширная долина, некогда покрытая лесом и имеющая четкие топографические границы (замкнутая с 4-х сторон), прекрасные горные луга, водные источники, - являлось наиболее подходящим для погребения людей высокого ранга в социальной стратификации общества, общеплеменным святилищем. Погребения рядовых членов общества, очевидно, располагались ниже по течению реки. Прослеженная конструкция курганов предусматривает определенные цели: создание условий для возникновения мерзлоты (сохранение нетленным тела умершего вождя) и предохранение каменной насыпи от развала. Этой цели добивались, возможно, соответствием размеров и устройства погребальной конструкции, сочетанием ряда природно-климатических условий: сооружением могильной ямы достаточной глубины в слоях глины и определенной высоты и ширины каменной насыпи, как это отмечал С.И. Руденко. Поэтому на данном этапе исследования нет основания для полного отказа от упомянутого выше мнения С.И. Руденко, особенно, если речь идет о мерзлоте в курганах, расположенных на высоте не более 1000-1200 м. над уровнем моря.

В целом, размеры курганов, топографически определенное место погребения, сложные внекурганные конструкции, система устройства погребального сооружения, специфический погребальный инвентарь (конские маски, предметы с изображением сцен терзания) - свидетельствуют о высоком социальном ранге погребенных в этих курганах.

Вероятная дата сооружения объектов - V - IV вв. до н. э. Пробы для определения абсолютной датировки с помощью радиоуглеродных и дендрохронологических методов находятся на обработке.

Если культурная принадлежность исследуемых памятников определяется с большей долей вероятности как «пазырыкская», то этническая атрибуция их остается открытой. Нет единодушия в точной локализации в пределах Алтайского субрегиона и прилегающих к нему территориях легендарных аримаспов, «стерегущих золото грифов» и др. возможных создателей названной культуры. Оставляя разработку этих и других актуальных проблем на ближайшее будущее, укажем на некоторые любопытные типологические параллели известным легендам Аристея, сына Каистробия из Проконнеса в китайских письменных источниках.

В книге «Му тянь цзэ чжуань» («Жизнеописание Му тянь цзэ»), найденной в 280 г. до н.э., имеются сведения о легендарном путешествии царствующей персоны Чжоу Му Вана на северо-запад от своих владений: он, перевалив через хребет Куньлунь (это, по утверждению китайских ученых, первоначальное название Алтайских гор, впоследствии перенесенное в другой регион), далее следуя вдоль реки «Хэй Шуй» («Черная река»), попадает в окрестности загадочного «райского» озера («Яо Чи»), где увидит поразившие его облака перьев и бесчисленные стаи птиц (Сунь Пэйлян, 1985, с. 8).

Если принять предположение Геродота о том, что образное название скифами снежных хлопьев в странах, где живут их северные соседи - легендарные аримаспы,

«стерегущие золото грифы» и др. алтайские племена, - порождено, как он сам признает, слухами о продолжительной зиме и сильных снегопадах, то можно допустить, что рассказы информаторов о реально увиденном в этих странах (в данном случае - парящие в воздухе подобно снежным хлопьям перья, стая птиц вокруг водоемов) могли восприниматься античными авторами, в силу специфики сложившего стереотипа о северных «варварах» (о землях, нравах, внешнем облике и т.д.), - неадекватно, искаженно.

Другой китайский источник IV - III вв. до н.э. «Шанхайцзинь» рассказывает о северной стране одноглазых - «Иму го» (И-один, Му-глаз, Го-государство), что типологически вполне согласуется с рассказом Аристеев об аримаспах.

Таким образом, отмеченные греко-китайские мифологические параллели могут оказаться вовсе не случайными, а иметь единую основу происхождения².

Важен еще один момент. Некоторые китайские исследователи, видимо, не без основания идентифицируют содержащуюся в книге «Му тянь цзе Чжуань» географическую неоменклатуру - «Куньлунь», «Яо Чи» и «Хэй Шуй», соответственно, горами Алтая, озером Зайсан и рекой Черный Иртыш (Сунь Пэйлянь, 1985, с. 8; Ма Юн, Ван Бинхуа, 1990, с. 13), хотя на отождествление двух последних названий могут претендовать, с меньшей долей вероятности, озеро Маркаколь и река Уранхай.

Названиям «Куньлунь», как считают, с эпохи Хань стали определять другую горную цепь - южнее Хотана (современный Куньлунь), с богатейшим в мире месторождением нефрита. Это связано с перенесением сюда центра добычи и обработки этого полудрагоценного минерала и установлением на него монополии императорского двора.

С нефритом (китайское название Юй ши) связаны посредническая торговля скифов (Ма Юн, Ван Бинхуа, 1990, с. 14), название Куньлуна и, главное - этноним «юэ чжи».

С.И. Руденко считал этноним «юэчжи» собирательным китайским именем алтайских кочевых племен середины I тыс. до н. э. (Руденко, 1960, с. 176). У китайских ученых нет единого мнения относительно точной локализации юечжи, особенно, ранних; многие из них считают, что китайцам была известна лишь восточная ветвь юечжи, а их основная масса обитала в регионах Алтая, Восточного Тянь-Шаня и Восточной Джунгарии (Линь Мэйцунь, 1997, с. 16).

Вполне возможно, что «юечжи» (или их часть), равно как и «стерегущие золото грифы» имели непосредственное отношение к созданию наиболее яркого и во многом еще загадочного культурного феномена Алтая - пазарькской культуре. Не исключено, что это один и тот же этнический массив, названный в античных и китайских литературных традициях по разному.

Большинство известных ученых-лингвистов (О. Менхен-Хельфен, Э. Пулльблэнк, Сиратори Куракити, Д. Синор, Линь Мэйцунь и др.) считают, что юечжи говорили на одном из диалектов тохарского языка. Линь Мэйцунь подчеркивает близость этимологии слов лун (дракон), божество в диалектах древнетохарского языка с этнонимом юечжи по фонетике древнекитайского, означающего также лун. Открытые в последние годы в Синьцзяне мумифицированные останки по мнению многих специалистов принадлежат юечжам/тохарам, говорившим на древнетохарском языке (Сюй Вэнькань, 1996, с. 77).

²К сожалению, в процессе работы над этой заметкой мы не смогли, в силу объективных причин, ознакомиться с содержанием работы Н.В. Полосьмак «О греческих параллелях некоторым древнекитайским мифам». Томск, 1993. С. 95-96.

Таковы представительные рассуждения о результатах совместных исследований 1997-1998 г., впереди - очень серьезная и кропотливая работа по анализу и интерпретации материалов открытых нами на территории Казахстанского Алтайя памятников древних кочевников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баркова Л.Л., 1987. Образ орлиноголового грифона в искусстве древнего Алтая (по материалам Больших Алтайских курганов) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 28. Л.
2. Баркова Л.Л., 1995. О хронологии и локальных различиях в изображении травоядных и хищников в искусстве ранних кочевников Алтая (опыт статистического анализа) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 32. Л.
3. Ван Чжилай., 1986. Чжун я ши ган. Чапна (на кит. яз).
4. Кубарев В.Д., 1987. Курганы Уландрыка. Новосибирск.
5. Кубарев В.Д., 1991. Курганы Юстыда. Новосибирск.
6. Линь Мэйцунь., 1997. Тухоложэнь юй Лунбуло. // Синой Яньцзю. № 1. Урумчи (на кит. яз.).
7. Марсаждов Л.С., Самашев З.С., Шер Я.А., Ермолаева А.С., Курманкулов Ж.К., Жетибаев Ж.М., 1988. Исследования в Восточном Казахстане в 1997 г. // Отчетная археологическая сессия Государственного Эрмитажа. С-116.
8. Ма Юн, Ван Бинхуа., 1990. Гушоаньцзян цзи чжи эр шицзидэ чжунго синьцзян дицзой // Чжун я сюекань III. Пекин.
9. Руденко С.И., 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. - Л.
1. Руденко С.И., 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. - Л.
11. Полосьмак Н.В., 1994. «Стерегущие золото грифы». Новосибирск.
12. Самашев З.С., Жумабекова Г.С., Омаров Г.К., 1998. Раннесакские наконечники стрел из Казахстанского Алтая // Военная археология. С-116.
13. Сунь Пэйдянь., 1985. Сыцзитай мао и чжилу хэ гудай чжун я дэ чуан шо // Чжунвай гуаньсиши луныцун. Пекин (на кит. яз.).
14. Сюй Вэнькань., 1996. «Чжун я дунбу тунци хэ цаоци тэци шидаидэ миньцзю» гоци сюену таолуньхуй цзуншу // Синой Яньцзю. № 3. Урумчи (на кит. яз.).

Рис. 1.

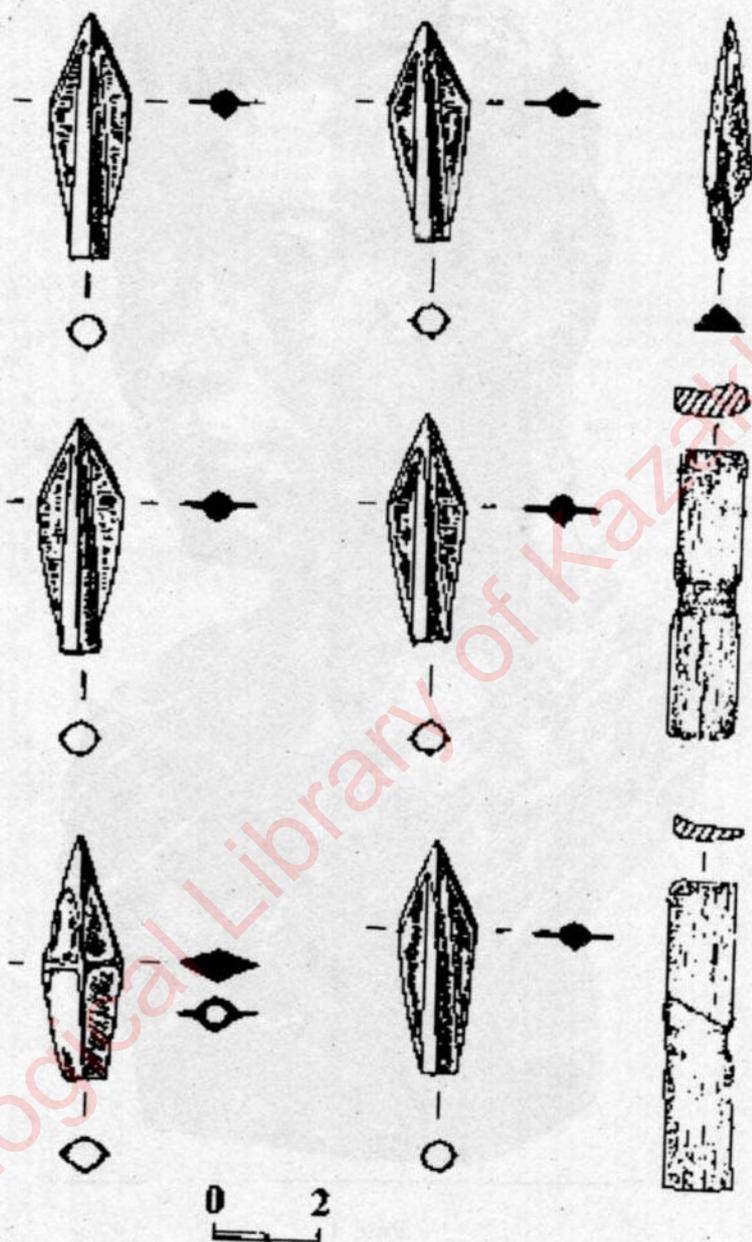

Рис. 2.

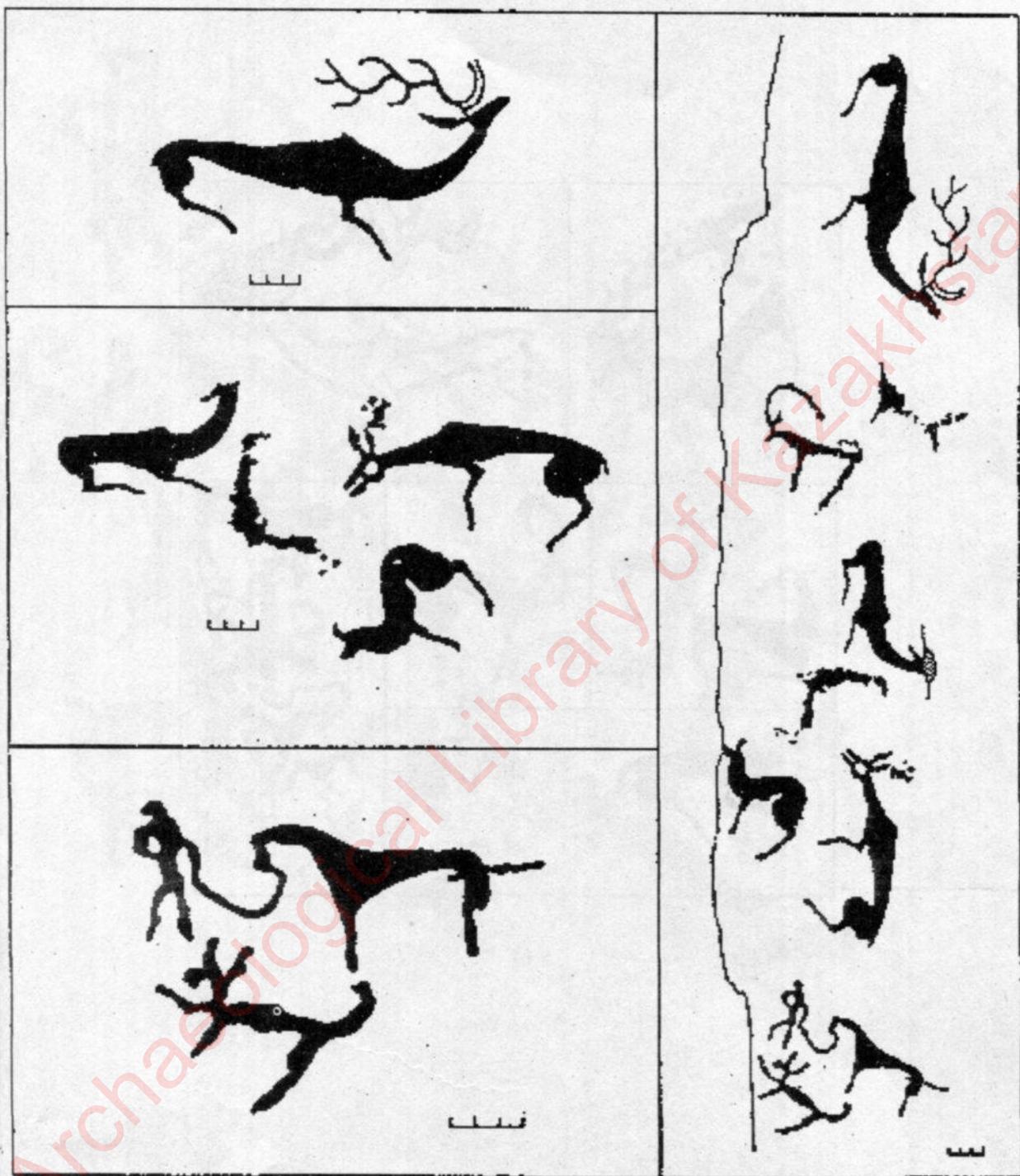

Рис. 3.

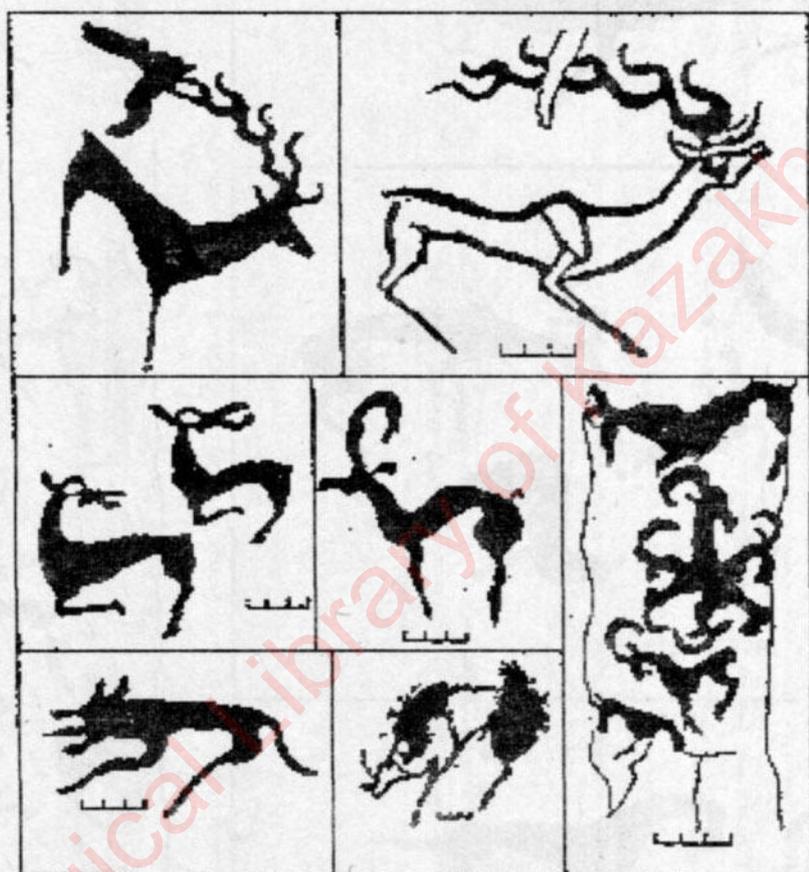

Рис. 4.

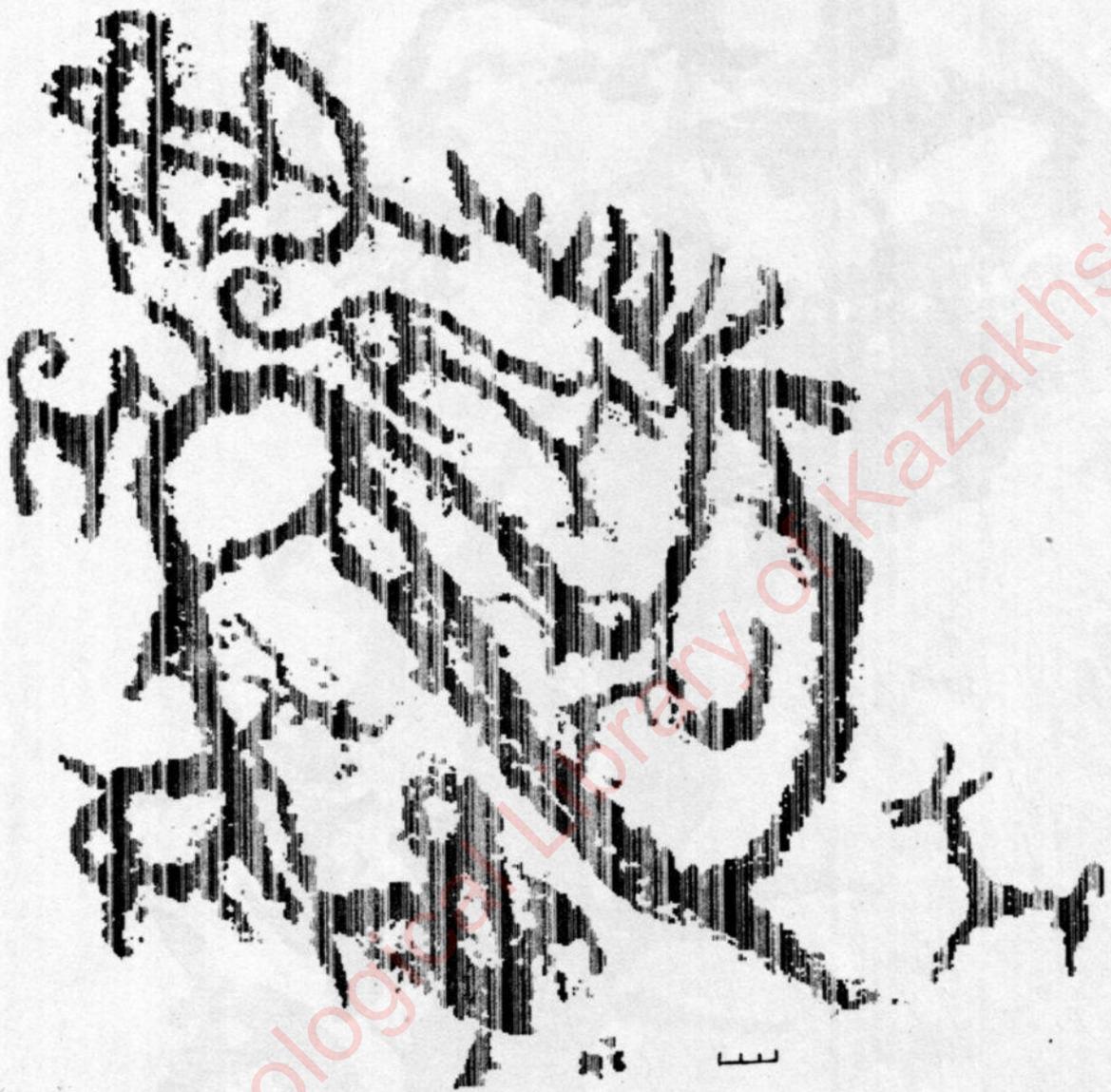

Рис. 5.

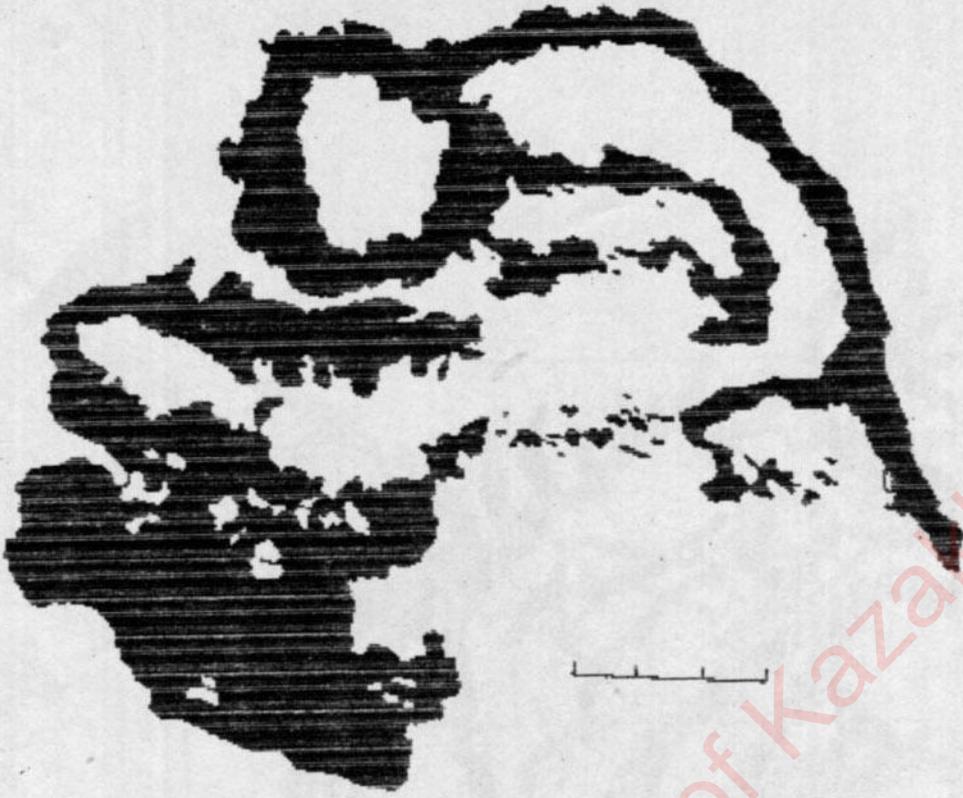

Рис. 6.

Рис. 7.

Рис. 8.

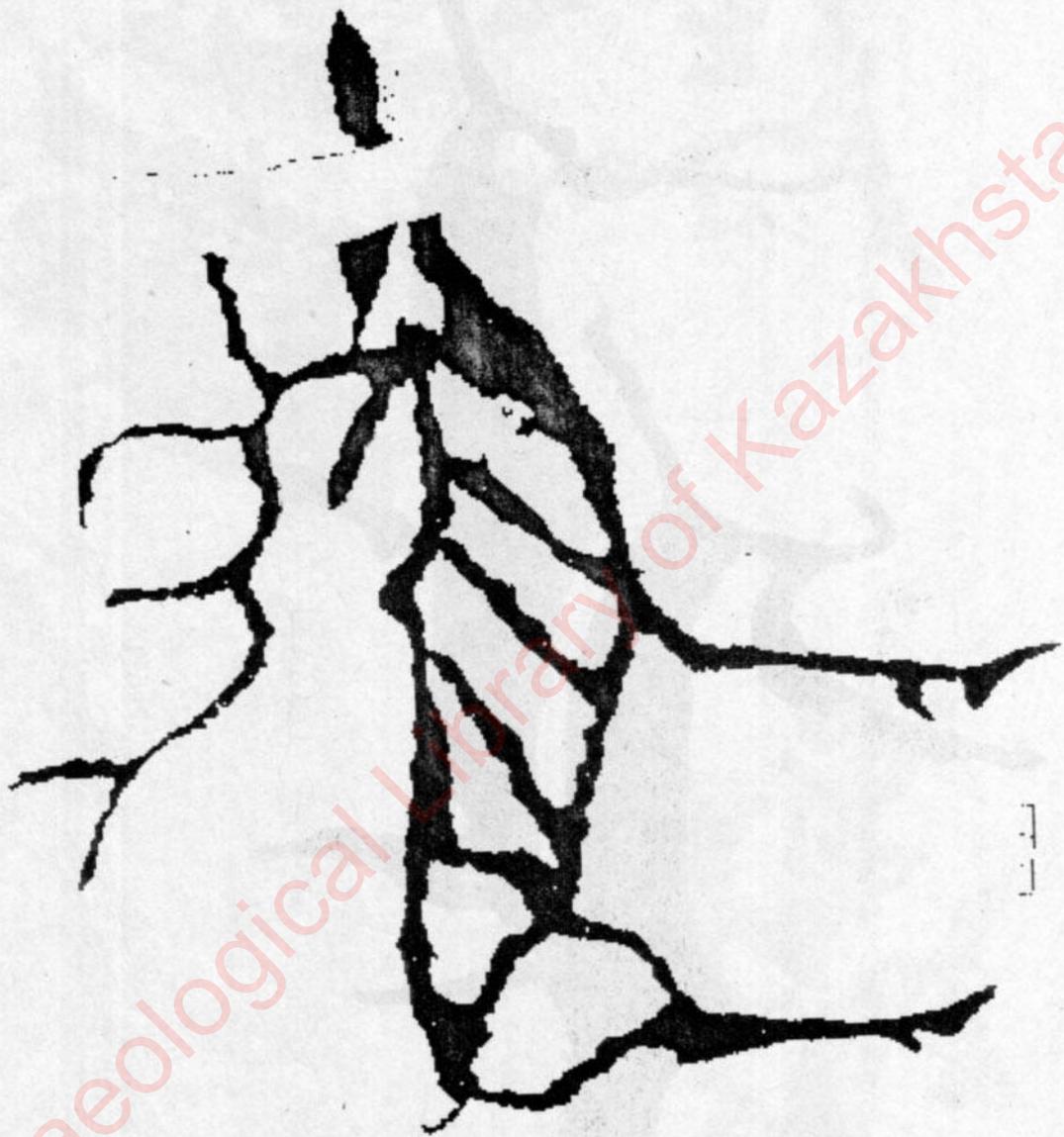

Рис. 10.

Archaeological Library of Kazakhstan

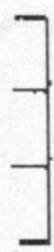

Fig. 11.

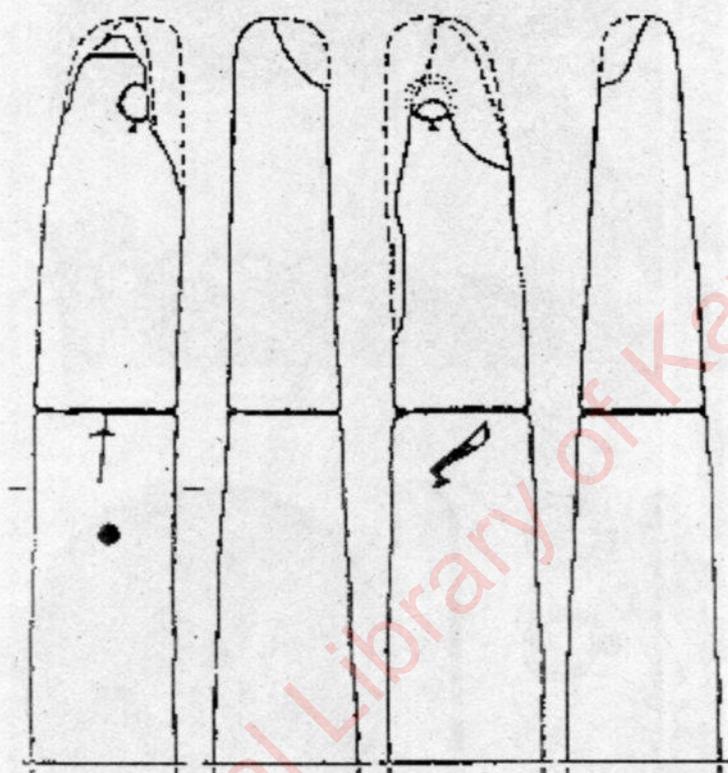

Рис. 12.

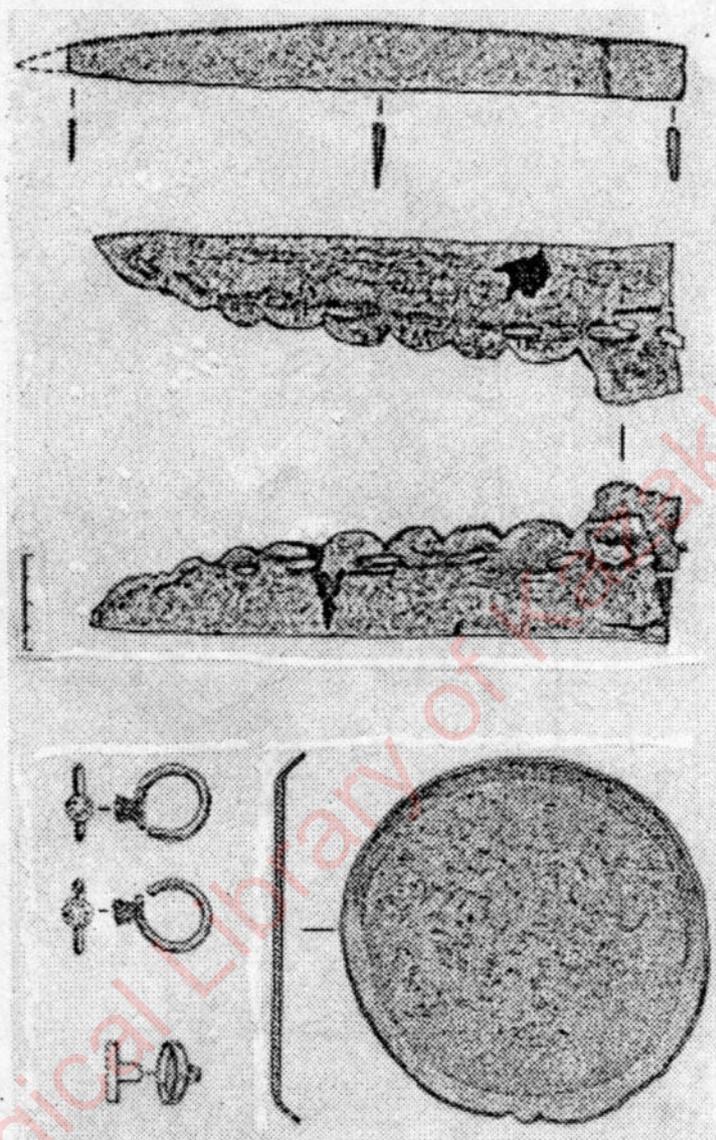

Рис. 13.

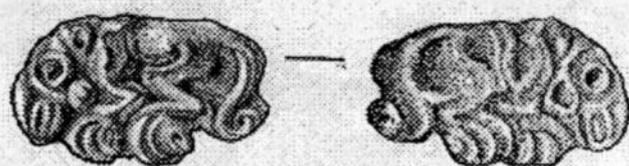
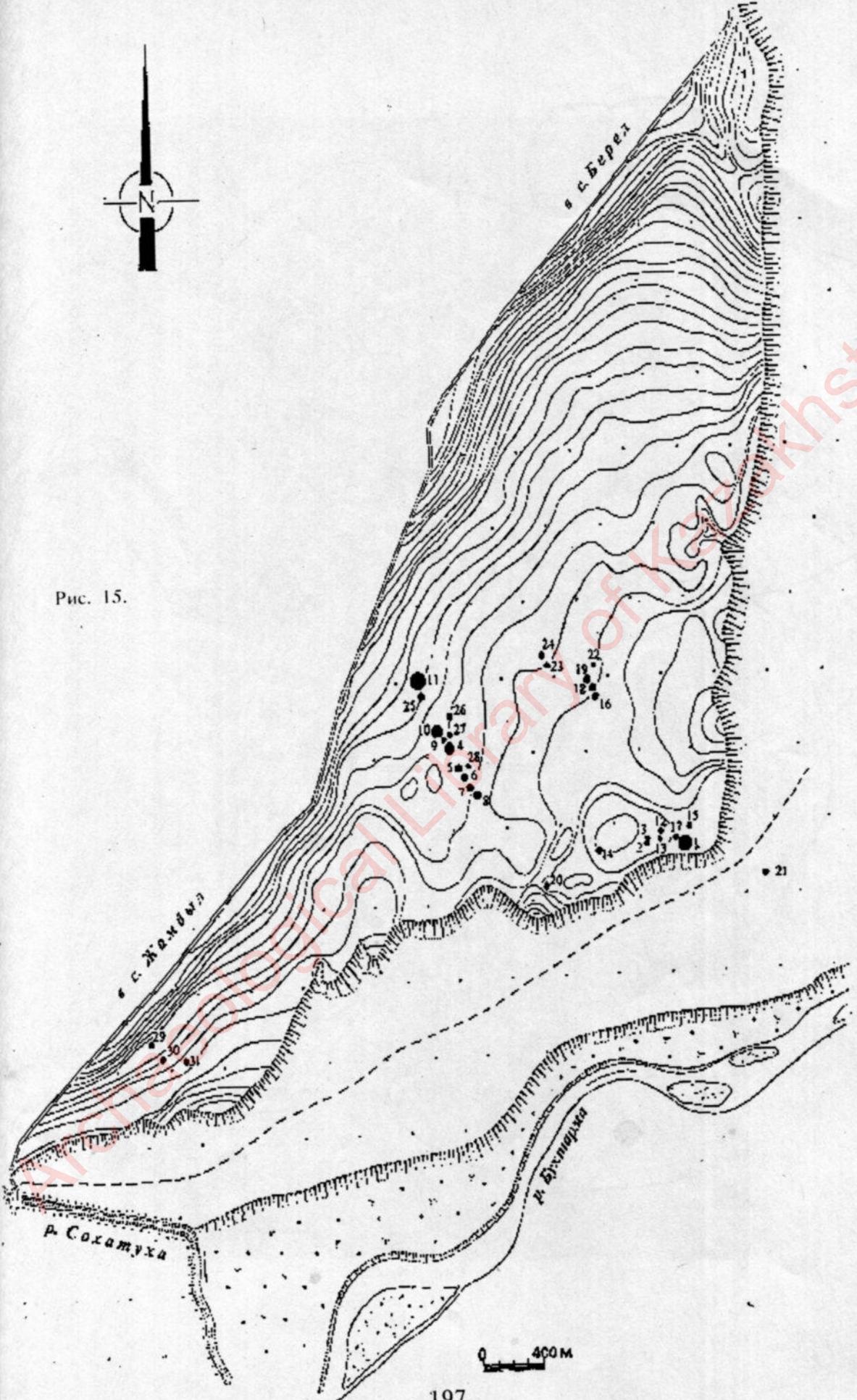

Рис. 14.

Рис. 15.

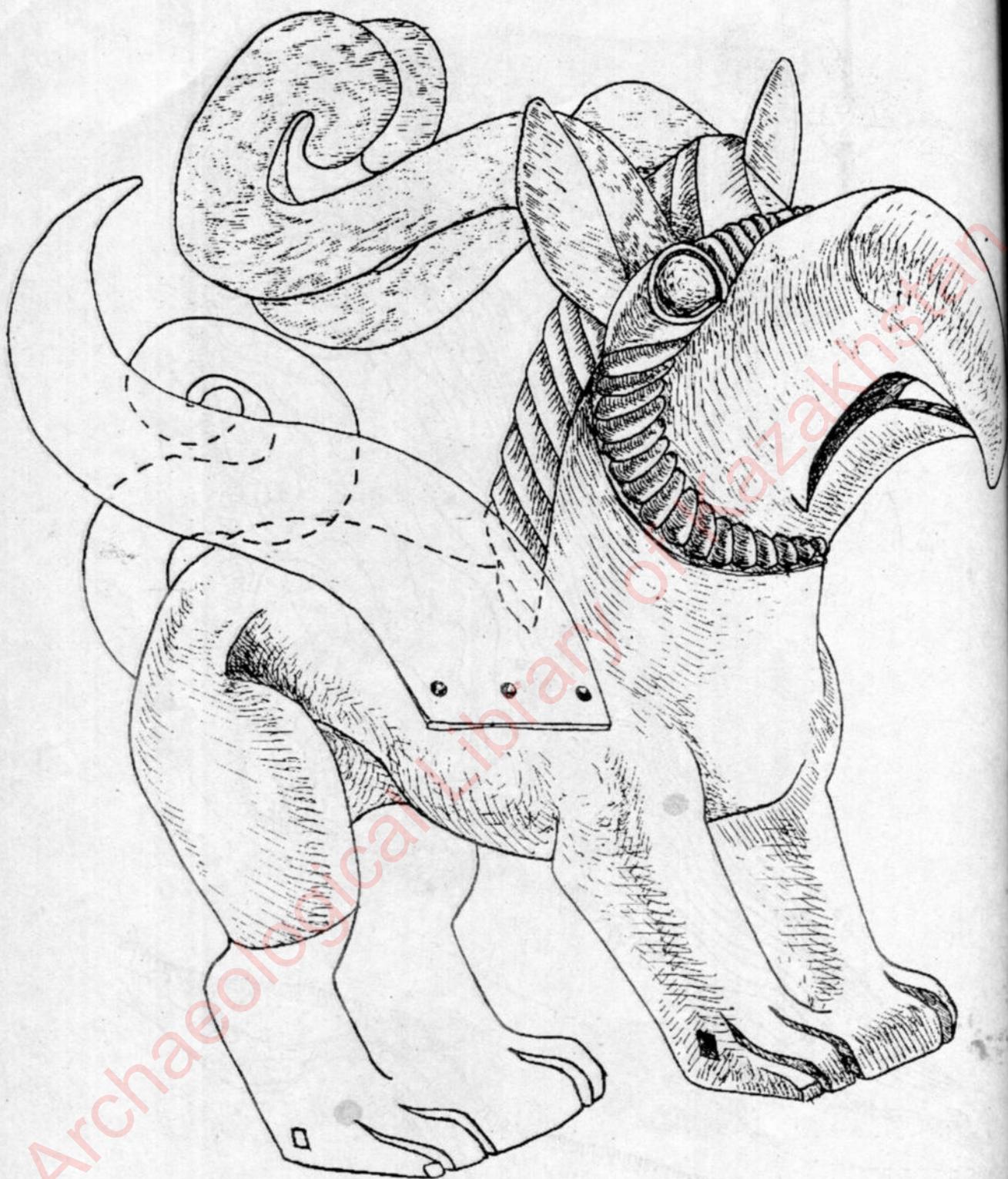

Рис. 16.

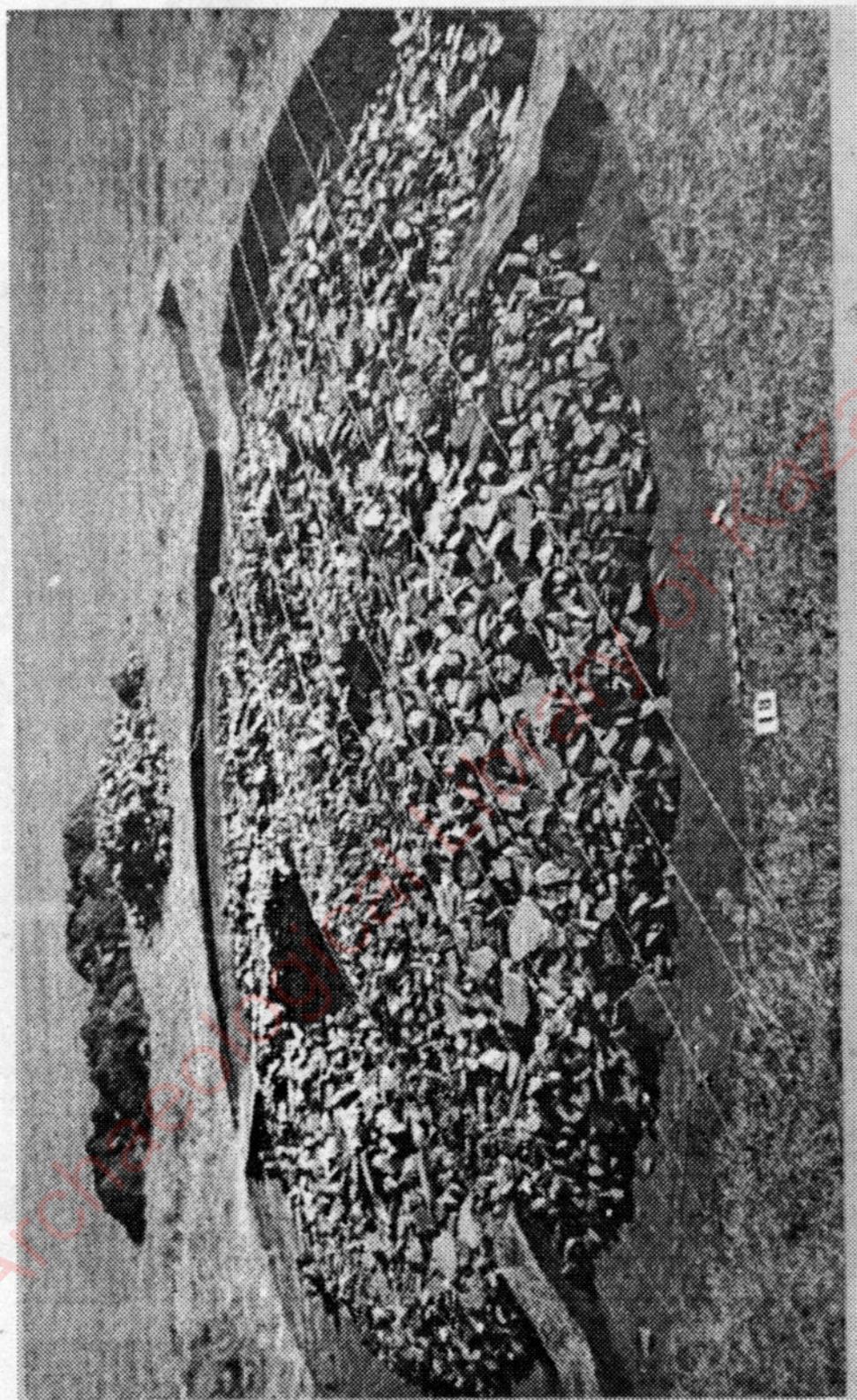

Рис. 17.

Рис. 18

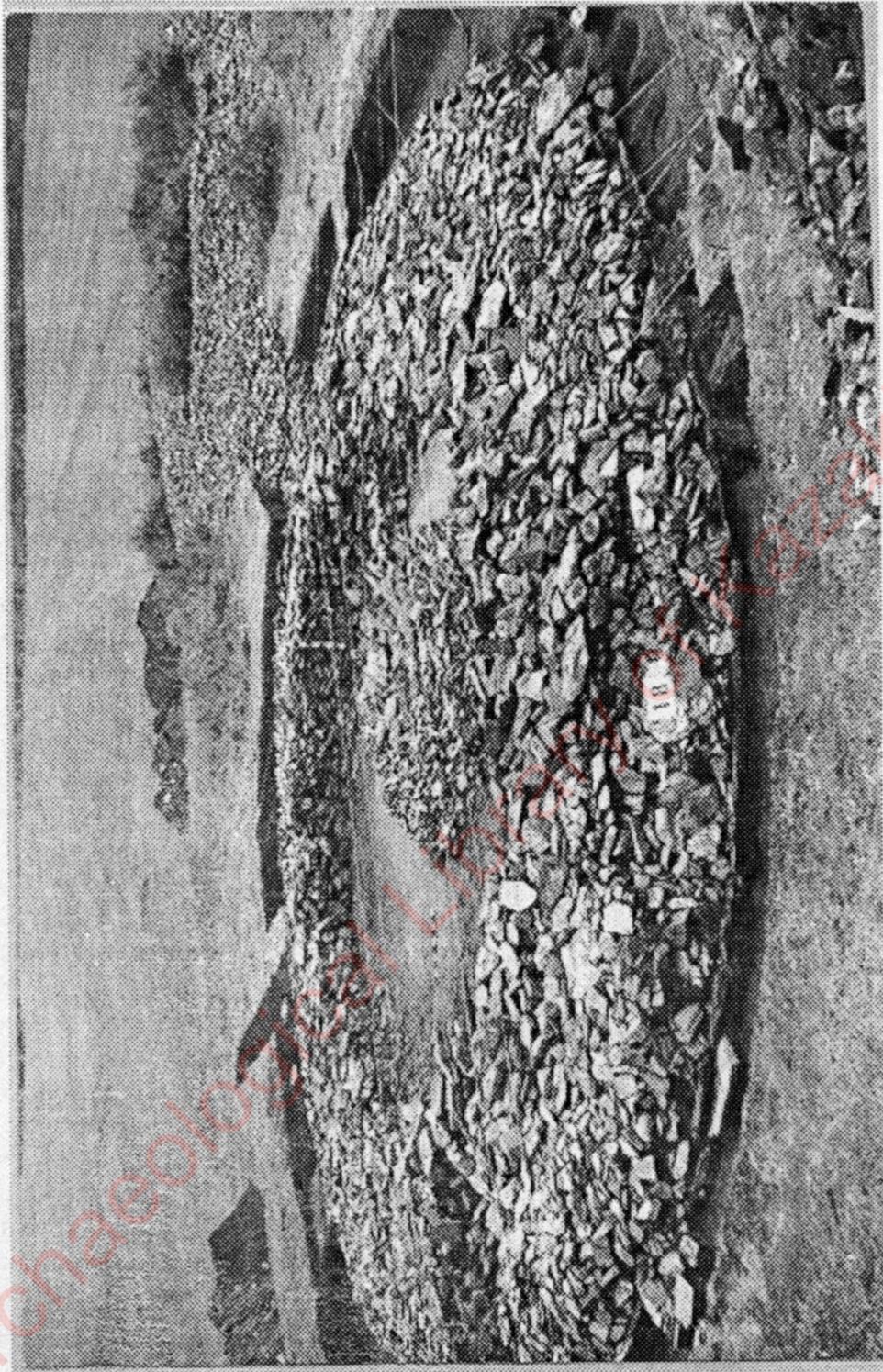

Рис. 19.

Рис. 20